

УДК 929:82-3(470.5) [Мамин-Сибиряк] +
+ 821.161.1.091 + 323.2

Л. С. Соболева

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РОДОВОГО МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА*

На примере произведений Мамина-Сибиряка рассматривается художественное воплощение идей родового быта. Определяются факторы интереса писателя к теме рода и ее значение в функции исторических корней мотивов и образов в поэтике произведений. Делается вывод об особом отношении писателя к данной теме, выявляется полярная аксиология родового мира в произведениях Мамина-Сибиряка.

Ключевые слова: Д. Н. Мамин-Сибиряк; идеи рода; уральская литература; русская литература XIX в.

Важная грань писательской картины мира Д. Н. Мамина-Сибиряка связана с обращениями к идеям родового мира. Этот вектор художественного поиска был одной из доминант на протяжении всего творческого пути писателя. Опора на родовые константы происходит в различных жанрах маминской прозы: исторических очерках, рассказах, романах и легендах. Писатель в различных жанровых вариантах описывает семейно-родовой мир, соотнося с ним не только особенности быта и родственные отношения, но и народное мировоззрение и историю, а также выявляя через отношение к семейно-родовым традициям важную онтологическую составляющую жизни героев. Родовые традиции рассматриваются и в контексте семантики спасения в личностных и социальных конфликтах, и с акцентированием негативного смысла, связанного с противостоянием гуманистическим устремлением времени. В творчестве писателя присутствует как сверхпозитивная, граничащая с утопической идеализацией оценка родового мира, так и нигилистическая, связанная с ироническим развенчанием его консерватизма. В его произведениях перед читателем предстает своего рода «броуновская» антропомобильность, и родовое чувство придает внешне беспорядочным пересечениям судеб героев жизненную целенаправленность. Писатель, не уходя от противоречивости и актуализируя многообразие каузальности личного и общественного бытия, стремится показать не однозначность родовых проявлений.

Факторы, которые предопределили обращение Д. Н. Мамина-Сибиряка к роду как институциональному феномену в российском историческом прошлом и в современной писателю жизни, были генетически различны, но обусловлены типом его творческого поиска.

Среди факторов можно отметить особенности родовой и семейной жизни писателя, где традиция уважения и почитания родителей сочеталась со стремлением к отстаиванию права на выбор своего пути во всех

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., соглашение 14.А18.21.0999.

сферах бытия. Известно, насколько болезненным было для молодого Мамина и для Мамина-Сибиряка в зрелом возрасте родительское (особенно материнское) недовольство его брачными связями вне церковного обряда. Затянувшиеся поиски писателем своего жизненного пути, его разрыв с церковной карьерой, неупорядоченность петербургской студенческой жизни также вряд ли вызвали одобрение родителей. Но преданность писателя не только родителям, но и близким и дальним родственникам сохранялась всю жизнь (яркое свидетельство можно найти в письмах писателя)¹ и имела вполне материальное воплощение. Взаимоотношения с родственным миром — основа для многих переживаний героев произведений писателя.

Вторым важным фактором для «певца Урала» были особенности провинциальной, и в первую очередь уральской жизни. Стремительное по историческим меркам заселение урало-сибирской территории происходило при усилении родовых кланов. Именно родственные связи оказывались той стабилизирующей основой, которая давала уверенность в возможности возвращения к покинутому гнезду при неудаче, а в успешном варианте — переселение происходило в рамках родовой миграции. Не случайно в традиции заселения Урала целые улицы в поселках, а в ряде случаев более обширные территории связываются с тем или иным родом, входят в историческую память об основателях в культуре последующих поколений жителей [см. об этом: Соболева, Никитин].

Структура провинциальных городов Урала формировалась также с учетом родовых гнезд, порождая топографические легенды и делая устные и письменные родословия площадками амбициозных претензий на первенство. Родовые предпочтения в осмыслении истории и в поисках идентичности были существенны для культуры староверия, которое в уральской действительности составляло значительную часть населения. Д. Н. Мамин-Сибиряк был убежден в значительной роли староверия для истории освоения урало-сибирского пространства не только в промышленно-предпринимательском аспекте, но и в процессе формирования духовного потенциала территории. В староверии с категорией рода слились конфессиональные интересы, что привело к форматированию старообрядческой исторической мысли в жанре «родословий» согласий, широко распространенных в региональной рукописной традиции XVIII—XX вв. [см.: Соболева 2001; 2012, с. 99—123]. Среди источников, определяющих национальное самосознание, Арутюнян называет важнейшим «родовой», который питается сознанием общности происхождения и исторических судеб народа, обладает социально-биологической природой и объединяет «своих по роду и племени» в своей или иной этнической среде [см.: Арутюнян].

Важным фактором было развитие во второй половине XIX — начале XX в. теории родового быта, раскрытие в научных штудиях особенностей родового периода в истории славян. Начавшись со ставшего классическим

¹ В личном архиве писателя, который он перевез с собой в Петербург, хранились письма не только его близких родственников, но письма к его родителям от родственников по материнской и отцовской линии [см.: Соболева, 2011]

труда немецкого ученого Эверса, эта тема была тщательно изучена усилиями российских специалистов в области древнерусской истории и историков-правоведов. Причем обращение к теме родового быта было в сфере внимания не только специалистов-историков, среди которых были Н. И. Костомаров, Ф. И. Леонтович, А. И. Никитский, В. И. Сергеевич, С. М. Соловьев, но и в работах правоведов — Грановского, И. Д. Беляева, К. Д. Кавелина. В полемику активно включался В. О. Ключевский и др., более широко и дискуссионно эта тема была представлена в российской общественной мысли сочинениями К. С. Аксакова, Н. П. Загоскина и др. То, что эта проблема смыкается с размышлениями о базовых константах человеческого бытия, зримо говорит обращение к ней видного философа и культуролога Н. П. Бердяева, подводящего своеобразные итоги историко-культурологическим поискам в этом направлении и соотносившего проблемы развития личности с семейно-родовыми ограничениями [см.: Бердяев].

Не вдаваясь подробно в изложение данного вопроса, неоднократно проанализированного в российской историографии, отметим совпадение времени публикации исследований с периодом творческой активности Д. Н. Мамина-Сибиряка. Писателю было свойственно постоянное обращение к серьезной научной гуманитарной и технической литературе, о чем свидетельствует сохранившаяся библиотека Мамина-Сибиряка², в составе которой присутствуют многочисленные работы по истории русского и международного права, по древнему периоду русской истории³. Упомянем некоторые из них: два тома из «Хрестоматии по истории русского права» М. Ф. Владимирского-Буданова (1885—1889), «Сочинения» Т. Н. Грановского (1900, 1847—1892), «Статьи по истории русского права» И. И. Дитяткина (1895), «Боярская дума Древней Руси» В. О. Ключевского (1902), двухтомное издание «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.» А. В. Экземплярского (1889—1891), этнографическое исследование Ф. В. Пояркова «Дунгане: свадьба (Цюй-сифур)» (1908). Писатель обращался к «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, один из томов этого труда был в его личной библиотеке. В поле его зрения была книга Ж.-М. Гюйо «Воспитание и наследственность: социологический этюд» (1891).

Следует заметить, что вышеописанный поворот в исторических исследованиях был инициирован новым пониманием роли народа в историческом процессе, необходимостью установить связи между различными историческими периодами через обращение к константам народного бытия. В народной жизни таковым в первую очередь является круг родовых представлений, воплощенный в различных сферах народной повседневной жизни (организация жилища, бытовой распорядок, педагогика, многообразие народных обычаев и праздников, связанных с почитанием предков, и т. п.).

² Исследовательский проект по описанию библиотеки писателя находится в стадии завершения. Опираясь на его материалы, можно с полной уверенностью говорить о серьезных профессиональных интересах писателя как историка, этнографа, фольклориста, диалектолога и пр. (см., например, статью Е. Н. Ефремовой и Н. Ф. Сгибневой в этом номере журнала).

³ Полное описание библиотеки писателя, мы надеемся, будет опубликовано по завершении проекта в 2013 г.

Корреляция идеи рода с идеей продолжения жизни, идеей бессмертия присуща не только глубокой древности. ИмPLICITно эта идея присуща народной культуре современности, вызывая при этом определенную стратегию человеческого поведения, определяя человеческую «теодицею» относительно замыслов и поступков. Идея рода как основы с мыслью о продолжении жизни, постоянном возобновлении рода через связь поколений ведет к преодолению смерти. Для древнего мира это не просто кровные узы, это связь земного и неземного миров, обретение души предка в его потомке. Культ рода отражается во многих праздниках и, по сути, знаменует связь времен — прошлого, настоящего и будущего [см.: Клейн]. Родовая идея устанавливала неодолимую связь судьбы человека с судьбой рода, в ней обосновывались воздаяние за верность роду и неизбежность наказания за преступление против родовых ценностей. Обрядовые действия укрепляли жизнеспособность рода и были направлены против разрушительного влияния смерти. Родовые предания были общими для всех членов рода и могли воспроизводиться в момент инициации, на тризне, родовых праздниках. Однако функция этих рассказов была не только обрядовой, родовые нарративы служили формированию необходимых для защиты и выживания рода нравственных качеств, т. е. были факторами стабилизации и укрепляли родовое право и мораль. Можно вычлениТЬ некоторые наиболее востребованные идеи рода, которые так или иначе оказались репрезентативно представлены в литературе XIX—XX вв. Это связь рождения и смерти, ответственность потомков за прегрешения предков, необходимость почитания предков как условие жизни в земном мире, значение родовой чести и родовой мести, жертвенность во имя родového единения, историческая память рода, родовой хроноТоп, родовая символика, родовые черты (внешность, характер, судьба) и т. п. Наиболее часто встречаются мотивы родového проклятия, бегства из родного дома и возвращения в родовое гнездо (причем как в состоянии жизненного кризиса, так и в ситуации оптимистического подъема), родовое изгойство. Таков неполный перечень тех идей, которые актуализировались в искусстве, особенно в кризисные историко-социальные моменты, когда реанимировалась память о стабилизирующей и защитной функции родového мира.

Тема рода художественно воплощалась в многочисленных жанрах фольклора, кардинально структурировала историческую память. Обращение к теории родového быта, описание родовых обычаев, исследование исторических изменений родových представлений и их функций в жизни патриархального общества имело корреляцию в литературном процессе XIX — начала XX в. Внимание к социокультурным аспектам народной жизни сочеталось с проникновением в глубины народной психологии в творчестве Мамина-Сибиряка. Родовые представления в художественных текстах брали на себя функцию исторических корней мотивов, образов, конфликтов, предопределяя тип поведения и судьбу, находки и потери в жизни персонажей уральского писателя.

Данный сегмент литературного развития является самобытным обретением писателя. Матрица жанра семейной хроники, столь успешно реализованная в литературе XIX—XX вв., для Мамина-Сибиряка оказалась тесной. По сути,

в творчестве Мамин нет законченного семейного романа-хроники, хотя мотивы и идеи, воплощенные в образно-сюжетные комплексы, находят корреляцию с поэтикой семейного романа⁴. В калейдоскопическом многообразии конфликтов, которые рисуются в произведениях Мамин-Сибиряка, важной, хотя и не всегда явно выраженной, но зачастую имплицитно присутствующей является диалектическая связь (включающая противостояние) элементов триады: род — семья — личность. Семантика взаимоотношений внутри триады, типы конфликтных ситуаций, их восприятие и воплощение в художественной реальности обладают как исторической конкретикой, так и вневременными смыслами. На каждой ступени действуют присущие только этому феномену законы, степень их обязательности исполнения может быть на разных этапах как основой гармонии и благодати, так и причиной конфликтов. Не привлекая многочисленные примеры из художественной культуры, назовем хрестоматийные из разных сфер словесности. В фольклорных балладах трагический конфликт свекрови и невестки, клевета на молодую жену сына, приводящая к смерти, — не что иное, как имплицитное противостояние рода мужчины семейному союзу, основанному на новом типе отношений, где доминанта — личная любовь. В «Ромео и Джульетте» В. Шекспира требование верности роду, вступая в противоречие с желанием союза на основе чувств, перерастает в трагедию. Смерть героев этих произведений может трактоваться как своего рода жертва, принесенная в момент отмирания прежних родовых установок, в момент утверждения значения индивидуального чувства любви для продолжения жизни.

Среди произведений Мамин-Сибиряка в той или иной степени воспроизводящими родовые понятия можно назвать его очерки, рассказы и самые известные романы из уральской жизни. Эта проблема нуждается в подробном освещении, потому что по разнообразию жанров, количеству произведений и комплексности подхода Мамин-Сибиряк — исключительное явление в русской словесности.

С учетом вышесказанного более явно становится художественная целостность текста «На рубеже Азии. Очерки захолустного быта», опубликованного в 1882 г. Определение жанра произведения в качестве очерка весьма условно, что отражается на сохранившейся в рукописи правке заголовка, где указано: «Из воспоминаний одного доктора» [см.: Мамин-Сибиряк, 1980, с. 443]. Повествование строится как воспоминание взрослого сложившегося человека, доктора Кирилла Обонполова, воспроизводящего свои детские впечатления. Однако, что подчеркивается автором, детские чувства и детское понимание событий прошлого слишком рано были лишены счастливой наивности. Взгляд подростка Кирилла Обонполова зорче и пристальнее ухватывает детали, которые открывают подлинную суть происходящего, зачастую спрятанную за фальшивыми речами взрослых. Этот художественный прием очень характерен для поэтики Мамин-Сибиряка. Понимание прошлого взрослым Кириллом не противоречило детской памяти, но к ироническому детскому взгляду добавляется всепрощающая мудрость взрослого человека.

⁴ Подробно о появлении и поэтике семейной хроники в русской литературе см.: [Никольский].

В центре повествования — трудная судьба семьи священника Викентия Обонполова в деревне с говорящим названием Таракановка. Жизнь семьи складывается из стремления выжить, сохранив при этом семейную гордость и иллюзию материальной состоятельности для окружающих. Положение семьи трагически безысходно: это маленькие люди, которые ничего в жизни не решают. Но вместе с несомненной теплотой, которая присутствует в рассказах будущего доктора Кирилла Обонполова, описание пронизывает глубокая ирония. Семья живет в атмосфере постоянных тягостных воспоминаний об унижении, которому подвергся глава семейства и которое так драматически отразилось на ее благосостоянии. В культурной памяти семейства «золотым веком» представляется их прежняя жизнь в поселке Махневой, где священник получал приличный доход, а переселение в Таракановку воспринимается как изгнание из рая, произошедшее по вине секретаря консистории, бывшего друга Амфилохия Лядвиева, ставшего главным гонителем Обонполова. Мамин обыгрывает семантику фамилий: «обонпол» — находящийся по ту сторону [см.: Срезневский, т. 2, с. 531], т. е. герой находится в ином моральном измерении по сравнению с другими; «лядвие» — часть ноги до колена (ляжка) — фамилия имеет грубовато-ироническую семантику, памятуя о высоком церковном статусе ее носителя. При всем сочувствии, которое испытывает читатель, узнавая о трудностях семьи (жена священника вынуждена зарабатывать шитьем одежды, младшая сестра Вера с утра до ночи работает по хозяйству), остается горький осадок от несообразности прилагаемых усилий и цели. Менее всего семья озабочена реальным человеческим счастьем. Характерна ситуация со старшим сыном, иронически поименованным автором Аполлон. Он был баловнем всей семьи, ее «гордостью и счастьем», «некоторым домашним божком», на его образование в духовном училище тратились последние гроши, старший сын, в свою очередь, «платил большой любовью своей семье», считал «себя и свою семью выше всего на свете» (с. 246). Однако, когда Аполлон на самом деле решил устроить свою жизнь с любимой женщиной Олимпиадой (Липой), его заставили отказаться и насильно женили на богатой — бывшей любовнице местного архимандрита Иринарха. Чувства и жизнь Аполлона оказались принесены в жертву мнимому будущему благополучию. Но Аполлон не может сопротивляться, он слишком обязан своей семье, которая долгие годы жила для него, хотя никто не спрашивал у самого Аполлона, насколько ему необходимо духовное образование, к которому он совершенно не стремился. Семья решила за него, кем ему быть, хотя по-настоящему довольство жизнью он почувствовал, уйдя на работу в заводскую контору. Писатель превращает событие в противоположное, свадьба оборачивается похоронами, так как именно во время празднования бракосочетания появляется ненавистный «консисторский секретарь», и Викентий Обонполов умирает от удара, вызванного гневом на проклятого врага. Таким образом, перед нами жизненный крах красивого, доброго, по-своему талантливого человека, отдавшего столько сил бесполезному чувству обиды и злобы, лелеявшему месть и принесшему в жертву счастье всей семьи во имя мифической семейной гордости. Чувство гордости диктовало тип поведения и искренность заменялась внешними приличиями. «Эта семейная гор-

дость переносилась даже на вещи, которых у нас не было... все, что было в руках других, для меня решительно не имело никакой цены, потому что только у нас были действительно хорошие вещи, а у других — все дрянь разная» (с. 244—245). Верность родовой чести, готовность пролить кровь обуревают младшего сына Кирилла. Когда при нем оскорбляют старшего брата, который якобы женится из-за богатого приданого, он бросается на более сильных обидчиков. После жестокого избиения, дрожа от «подавляющего чувства унижения», герой утешается мыслью, что он пострадал за фамильную честь и «даже пролил несколько капель крови» (с. 318).

Символом краха определенного периода семьи Обонполова становится «мудреная» картина, которая несколько десятков лет висела в доме и так всем примелькалась, что никто не замечал ее малоприличного содержания. Картина была написана маслом на железном листе, что соответствовало уральскому искусству декоративных железных подносов⁵. Сюжет картины был очень странный: это был библейский сюжет о соблазнении Иосифа Прекрасного женой его хозяина Пентефрия (у Мамина в такой огласовке). Изображение было мало профессиональным, «хотя художник не поскупился ни относительно красок, ни относительно фантазии. На первом плане была кровать, нечто среднее между эшафотом и комодом, а на кровати лежала совсем голая женщина с красным лицом и розовыми ногами, прикрытая какой-то сетью, похожей на невод» Она манит Иосифа, но он бежит от нее, правда, как-то неудачно, «неестественно загнув назад голову и как-то особенно смешно выворотив обе ноги, точно они были у него вывихнуты» (с. 244). Самое поразительное, что эта картина висела в доме священника на самом видном месте, но никто не замечал ее вызывающего неприличия, кроме маленького Кирилла. История Иосифа, о которой напоминает картина, связана с его изгнанием из отчего дома родными братьями и последующим возвращением родовых связей. Иосиф проходит через испытание моральных устоев, отказывается от преступной связи. Будучи затем оболганным и обвиненным в преступлении, он оказался в тюрьме и безвинно страдал. Картина, напоминая сюжет об Иосифе, предсказывает судьбу Аполлона, с той только разницей, что ему не удастся убежать от продажной любви. Историю Иосифа вспомнит отец Аполлона Викентий Обонполов в письме к младшему сыну. Отца Викентия пугает решительность сына жениться на любимой женщине (вдове с ребенком), опозоренной местными таракановскими негодяями, и он сравнивает Аполлона с Иосифом, в отличие от него сын «упорствует и негодует ради своей неистовой страсти и плотоугодных любви...». Перед отъездом из Таракановки на бракосочетание, когда Аполлона фактически толкают в сети к продажной женщине, картина падает со стены «сама собой». Ранняя смерть Аполлона знаменует собой уход из жизни нереализовавшегося человека, так и не оправдавшего надежд семьи, а самое главное, не нашедшего себя.

⁵ В первой половине XIX в. этот промысел предназначался для уральских заводоладельцев, на подносах изображались сценки из античной мифологии, библейские и исторические сюжеты, пейзажи. В Свердловском краеведческом музее хранится железный поднос первой половины XIX в. с сюжетом о возвращении блудного сына [см.: Свердловский музей, с. 83].

Вторая линия, развенчивающая идею родовой вражды, — история «фамильного», переходящего из рода в род противостояния двух семей в деревне Таракановка — Сермягиных и Портнягиных. Это своего рода комическая параллель к эпическому отстаиванию чести рода Обонполовыми. Их фамилии синонимичны, и автор замечает, что уже никто из семей не помнил, отчего и как возникла вражда. Замужество сестер Обонполовых примирило оба рода, так как Верочка вышла замуж за Сермягина, а Надежда — за Портнягина.

В романе «Приваловские миллионы» (первый журнальный вариант 1883 г.) реанимирован сюжет блудных детей. В родной дом возвращается Сергей Привалов, но дворец Приваловых так и остается разоренным гнездом, где хозяйничают стервятники, где Сергей чувствует себя «посторонним человеком». Второй дом для него — усадьба Бахаревых, и именно там Привалов после возвращения ощущает прежнее тепло родного очага: «что-то добродушное и уютное было в физиономии этого дома... где все дышало полным довольством и тихим семейным счастьем» (Приваловские миллионы, с. 11)⁶. Во многих произведениях писателя состояние дома воплощает состояние душ людей, живущих в нем. Этот образ, изначально перерастающий в символ, свойствен не только русской, но и мировой литературе⁷. Разрушение дома или восстановление его у Мамина-Сибиряка соотносятся с этапами человеческой жизни. Уместно привести вывод Никольского в связи с исследованием феномена семейной хроники: «...многозначный образ дома становится метафорой личной и всеобщей судьбы» [Никольский, с. 65]. У Мамина-Сибиряка дом становится своеобразным медиатором, связующим жизнь человека с жизнью семьи и предшествующих поколений [см.: Кунгурцева]. В зависимости от конфликтологии текста дом может обладать как положительной энергетикой, дающей человеку силы, оберегающей его от напастей, так и враждебностью к персонажу, губительному отталкиванию, вносящему дисгармонию в душу героя.

Писатель выстраивает повествование на сопоставлении развития родов Бахаревых и Приваловых, неразрывно связанных жизненными обстоятельствами. Мечта восстановить род Приваловых — главное дело Василия Назаровича Бахарева, который сам был духовным наследником старовера Гуляева, воспитываясь в его доме. В семействе Бахаревых был создан настоящий культ Приваловых-Гуляевых. Мамин-Сибиряк заставляет читателя пристально вглядываться в условия распада кровных связей, восстановление которых оказывается возможным только на новом уровне духовного единения. И. А. Дергачев отмечал, что в романе «заново рассматриваются семья, отношения между людьми, любовные союзы... в восьмидесятые годы обнаружилось, что семья перестала быть

⁶ Здесь и далее для цитирования использованы тексты, подготовленные и изданные И. А. Дергачевым. До появления Полного собрания сочинений Д. Н. Мамина-Сибиряка это были наиболее научно выверенные по рукописям тексты.

⁷ Символическое значение дома фиксируется в многочисленных словарях символов. Ср.: «Дом стал точкой кристаллизации в создании достижений цивилизации, символом самого человека, нашедшего свое прочное место во вселенной» [Бидерманн, с. 73]; «Дом издревле связывается не только с постройкой, но и гораздо шире — с семьей, с людьми, живущими под одной крышей» [Шейнин, с. 209].

оплотом старого, что в ней наблюдаются те же разломы, что и в обществе в целом» (Дергачев, 1980, с. 442).

Началом разорения рода Гуляевых стало неудачное замужество дочери Варвары, организованное ее отцом, основателем рода. Старик Павел Михайлович Гуляев совершенно не уважал своего будущего зятя Александра Привалова, но «относился с глубоким уважением к фамилии, которую тот носил. В жертву этой фамилии была принесена и Варвара Гуляева» (с. 44). Варвара увидела жениха после венчания и никаких чувств к нему не испытывала, кроме смирения перед отцом. Писатель рисует распад рода, все потомки которого рассеяны по свету, миллионы не могут спасти Сергея Привалова, который, прежде чем действительно духовно вернуться к благодати родного дома, проходит через испытание ложью, безнравственностью, предательством и изменой. Род Бахарева также проходит через свои испытания. Любимая дочь Надежда уходит из дома, лишается родительской любви за то, что осмелилась жить в соответствии с собственными чувствами. Принцип «зеркальности» чувствуется у писателя в сопоставлении имен героинь — Варвара и Надежда, также диаметрально противоположны их судьбы. Гибнет Варвара, подчинившаяся отцовской цели обогащения рода; преодолевает удары судьбы, включая изгнание из отчего дома, Надежда. Бездумная верность заветам старинного раскольничьего быта, убеждение, что необходимо лелеять «гуляевский дух», которым «держался весь строй семьи» (с. 49), привели мать семейства Марию Степановну к разладу с мужем и дочерью, даже ее молитва к Богу становится всего лишь данью обычаю, из нее выхолащиваются человеческие чувства. Память раскольницы о предках (символами памяти являются старинные иконы, старинные сарафаны, бережно хранимые в сундуках для будущих поколений) только отдаляет ее от людей, включая самых близких, заставляет совершать бесчеловечные поступки. Через глубокие разочарования приходит к чувству раскаяния и прощения, к необходимости понимания детей с их новыми мыслями и иными правилами жизни В. Н. Бахарева.

Преображенные страданиями и сопереживаниями Надежда и Сергей Привалов исполняют мечту старика Бахарева, образуя семью на основе уважения и светлых идеалов. Завершая роман сентиментальной сценой, где старик Бахарева выводит на прогулку внука, мальчика «с большими серыми глазами», сына Сергея и Надежды, автор возвращает читателя к оптимистической идее продолжения жизни: «разлетелись дымом приваловские миллионы, но не погиб приваловский род» (с. 417).

С трагическими событиями и переживаниями связывается идея рода в романе «Дикое счастье» (1884) [Мамин-Сибиряк, 1981]⁸. В центре романа случайное богатство уральского купца Гордея Брагина, имеющего староверческие корни. Фундаментом жизни для брагинской семьи была верность заветам «бабушки» Евстрата Евстратыча, против которого Гордей «не мог ни в чем идти». Даже неудачи в торговом деле «панским товаром» (галантереей и тканями) не

⁸ Далее роман цитируется по этому изданию с указанием страниц.

могли заставить Гордея изменить этому типу торговли. «Поколь жив, из батюшкиной воли не выйду», — этими словами устанавливался закон жизни в брагинском доме [с. 47]. «Это был целый культ предкам в лице одного батюшки», — резюмирует писатель, обнаруживая доминанту повествования. В лице Гордея перед читателем идеальный хозяин и семьянин, который не женился вторично после смерти жены и воспитывал детей «по батюшкиным строгим заветам» [с. 49]. Иными словами: «Брагинская семья была самой образцовой, как полная чаша» [с. 52] Дом купца Гордея Брагина — символ благонамеренной и устоявшейся жизни, но его крепкое семейное благополучие начинает рушиться, когда сваливается нечаянное счастье — месторождение жильного золота, подаренное злой судьбой. Золото становится испытанием на прочность, которое не выдерживает не только сам Гордей Брагин, но его мать, закоренелая староверка Татьяна Власьевна. Именно она является хранительницей древних обычаев, к старине она «питала почти болезненную слабость», как зеницу ока сохраняла все вещи, которые напоминали эту старину. Порядок в доме был раз и навсегда заведенный, и она гордилась местом, где жила, особым народом «все как на подбор», своей верой и семьей. Под ее руководством жизнь в Брагинском доме «текла самым образцовым порядком, на поученье всем остальным» И даже свой давний грех она искупала по христианским правилам тяжким физическим трудом, обретая тем самым душевное спокойствие. Символом благополучия в доме Брагиных является стоящая в центре огромная «батюшкина печь», которую Гордей категорически отказывался перестраивать, обосновывая решение уважением к памяти отца и особой крепостью кирпичей [с. 48]. Но даже в этом описании крепости семьи есть детали, которые заставляют читателя предчувствовать будущие несчастья. Это и говорящая фамилия купеческого рода, и определенный бытовой автоматизм: благополучие достигается не душевной работой, а послушанием и приверженностью прежним формам жизни. Даже переход Брагина в единоверие, о распространении которого настойчиво пеклось правительство, свидетельствует о готовности к компромиссам, о том, что приверженность правилам родовой жизни является не столько результатом внутренних убеждений, сколько следствием привычки, внешнего следования заведенному «батюшкой» порядку. Настораживает читателя описание поведения старшей дочери, демонстративно отвергающей семейный уклад даже своим внешним обликом, за ней готова последовать младшая сестра, только снохи вынуждены подчиняться безоговорочно указаниям бабушки, и эта покорность в итоге выливается в семейную драму. Писатель реализует мифологему расплаты детей за грехи родителей (грех Татьяны Власьевны, вышедшей замуж по указу родителей за нелюбимого старика).

После обретения золотого богатства несчастья буквально обрушиваются на дом Гордея. словно какая-то нечистая сила заставляет его совершать самые безнравственные поступки, невысказанные в прежней жизни: пьяные загулы, обман, моральная нечистоплотность, вплоть до инцеста. Домочадцы доводятся до смерти или живут в страхе и тоске. По глубокому замечанию И. А. Дергачева, «такое сгущение разнообразных форм извращения личности, как и крайность их проявлений, напоминает о традициях житийной легенды. Герой в сущности

реализует не свойства своей личности, а иллюстрирует изначальную нравственно-философскую идею» [Дергачев с. 439]. Писатель выбирает образы, используя лексику описания родового быта. В глазах Татьяны Власьевны кутеж в доме Гордея после открытия месторождения золота «походил на поминки, которые справляли о погибшем прошлом» [с. 78], сам дом походил на «муравьиную кучу, которую разворотили палкой», именно упоминание о печи одним из гостей заставляет Брагина на минуту прийти в себя, и он «с изумлением посмотрел кругом, на своих гостей... Ему сделалось гадко и совестно, хотелось выгнать эту пьяную ораву из своего дома... заскребло на душе от собственного безобразия» [с. 76–77]. Дальнейшая история падения Гордея приведет к разрушению старого дома, братских обязательств (после смерти отца старший сын становится на его место), изгнанию из родительского дома младшего брата, нарушению собственного обещания хранить родительский «батюшкин» дом. Меняется Татьяна Власьевна, становясь патологически жадной, забывая о милосердии, сходя с ума. Символом окончательного распада семейного благополучия становится выпавший из печи кирпич, и потом эта печь трижды снилась старухе «к печали и горю» [с. 219]. Старый брагинский дом оказался словно охвачен огнем и старуха лихорадочно собирала и прятала все вещи в сундук, всюду ей виделись враги.

Итак, родовый мир представлен в творчестве Мамина-Сибиряка в различных проявлениях. С репрезентаций системы родовых установок связана конфликтология произведений писателя. Персонажи проходят своеобразное испытание на верность роду, в характеристике образов автор обнаруживает родовые черты, которые становятся зачастую доминантой, определяя судьбы героев. Но вместе с тем перед читателем антиномическая оценка приверженности родовым ценностям. Вместе с безусловно притягательными свойствами родовых связей писатель показывает их негативные качества. Личность, вырастая из рода, не может уйти из плена прежних традиций и платит за это жизненной драмой.

Арутюнян Ю. В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание // Социол. исслед. 1990. № 7. С. 42–49. [Arutyunyan Yu. V. Sotsial'no-kul'turnoe razvitiye i natsional'noye samosoznanie // Sotsiol. issledovaniya. 1990. N 7. S. 42–49].

Бердяев Н. П. Метафизика пола и любви // Эрос и личность: Философия пола и любви. М., 1989. С. 17–51. [Berdyayev N. P. Metafizika pola i lyubvi // Eros i lichnost': Filosofiya pola i lyubvi. M., 1989. S. 17–51].

Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. [Bidermann G. Entsiklopediya simvolov. M., 1996].

Дергачев И. А. Комментарии // Дикое счастье : роман; Золотая лихорадка : очерки и рассказы / под ред. И. А. Дергачева. Свердловск, 1981. С. 437–446. [Dergachev I. A. Kommentarii // Dikoe schast'ye. Roman. Zolotaya likhoradka. Ocherki i rasskazy / pod red. I. A. Dergacheva. Sverdlovsk, 1981. S. 437–446].

Дергачев И. А. Комментарии // Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы / под ред. И. А. Дергачева. Свердловск, 1982. С. 434–447. [Dergachev I. A. Kommentarii // Mamin-Sibiriyak D. N. Privalovskie milliony / pod red. I. A. Dergacheva. Sverdlovsk, 1982. S. 434–447].

Клейн Л. С. Памяти языческого бога Рода // Язычество восточных славян. Л., 1990.

Кунгурцева Н. А. Художественный образ дома в повести Д. Н. Мамина-Сибиряка «На рубеже Азии» // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург, 2008. С. 156–160. [Kungurtseva N. A. Khudozhestvennyj obraz doma v povesti D. N. Mamina-Sibiryaka «Na rubezhe Azii» // Literatura Urala : istoriya i sovremennost'. Sb. st. Вып. 4. Lokal'nye teksty i tipy regional'nykh narrativov. Ekaterinburg, 2008. S. 156–160].

Мамин-Сибиряк Д. Н. Дикое счастье : роман; Золотая лихорадка : очерки и рассказы / под ред. И. А. Дергачева. Свердловск, 1981. 448 с. [Mamin-Sibiryak D. N. Dikoe schast'e. Roman. Zolotaya likhoradka. Oчерki i rasskazy / pod red. I. A. Dergacheva. Sverdlovsk, 1981 — 448 s.].

Мамин-Сибиряк Д. Н. Очерки и рассказы, 1880–1883 / под ред. И. А. Дергачева. Свердловск, 1980. 448 с. [Mamin-Sibiryak D. N. Oчерki i rasskazy. 1880–1883 / pod red. I. A. Dergacheva. Sverdlovsk, 1980. 448 s.].

Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы / под ред. И. А. Дергачева. Свердловск, 1982. 448 с. [Mamin-Sibiryak D. N. Privalovskie milliony / pod red. I. A. Dergacheva. Sverdlovsk, 1982. 448 s.].

Никольский Е. В. Семейная хроника в творчестве Всеволода Сергеевича Соловьева. Тверь, 2012. 312 с. [Nikol'skij E. V. Semejnaya khronika v tvorchestve Vsevoloda Sergeevicha Solov'eva. Tver', 2012. 312 s.].

Свердловский историко-краеведческий музей : коллекции и экспонаты. Свердловск, 1992. 224 с. [Sverdlovskij istoriko-kraevedcheskij muzej : Kollekcii i eksponaty. Sverdlovsk, 1992. 224 s.].

Соболева Л. С. Архив Д. Н. Мамина-Сибиряка: структура и проектный потенциал // Литературный музей в современном мире : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию юбилею музея, 19–20 мая 2011. Екатеринбург, 2011. С. 213–221. [Soboleva L. S. Arkhiv D. N. Mamina-Sibiryaka : struktura i proektnyj potentsial // Literaturnyj muzej v sovremennom mire: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyasch. 65-letnemu yubileyu muzeya, 19–20 maya 2011. Ekaterinburg, 2011. S. 213–221].

Соболева Л. С. Мифологизация истории в старообрядческих «родословиях» // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы III междунар. науч.-практ. конф., 26–28 июня 2001 г., г. Уладе-Удэ. Улан-Удэ, 2001. С. 323–326. [Soboleva L. S. Mifologizatsiya istorii v staroobryadcheskikh «rodosloviyakh» // Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi : materialy III mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 26–28 iyunya 2001 g., g. Ulade-Ude. Ulan-Ude, 2001. S. 323–326].

Соболева Л. С. Уральский текст в рукописях XVII–XX веков : исследование и публикации. Saarbrücken, 2012. 460 с. [Soboleva L. S. Ural'skij tekst v rukopisyakh XVII–XX vekov. Issledovanie i publikatsii. Saarbrücken, 2012. 460 s.].

Соболева Л. С., Никитин А. С. Родовая память как фактор социально-культурной стабильности // Изв. Урал. гос. ун-та. 2008. № 59. Сер. 2, Гуманитар. науки. Вып. 16. С. 322–329. [Soboleva L. S., Nikitin A. S. Rodovaya pamyat' kak faktor sotsial'no-kul'turnoj stabil'nosti // Izv. Ural. gos. un-ta. 2008. N 59. Ser. 2, «Gumanitarnye nauki». Вып. 16. S. 322–329].

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. М., 2003 [Sreznevskij I. I. Slovar' drevnerusskogo yazyka : v 3 t. M., 2003].

Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. М., 2006. [Shejnina E. Ya. Entsiklopediya simvolov. M., 2006].

Статья поступила в редакцию 25.10.2012 г.